

Д Ж Е С С И
Б Ё Р Т О Н

Дом Судьбы

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б52

Jessie Burton

THE HOUSE OF FORTUNE

Copyright © Peebo & Pilgrim Ltd, 2022
All rights reserved

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Бёртон, Джесси.

Б52 Дом Судьбы / Джесси Бёртон ; [перевод с английского К. Гусаковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-197669-9

Амстердам, 1705 год. Тее Брандт скоро исполнится восемнадцать, и она с нетерпением ждет, когда станет взрослой. Но дома на Херенграхт все очень сложно. Ее отец Отто и тетя Нелла беспрестанно препираются и продают мебель, чтобы семья могла выжить. Получив приглашение на самый престижный бал Амстердама, тетя верит, что сможет наконец исправить судьбу племянницы. Но таинственные миниатюры снова появляются на пороге их дома. В день рождения Теи, который совпадает с днем смерти ее матери, тайны прошлого выплывают на поверхность и опасения тети Неллы начинают сбываться... Неужели кто-то опять играет их жизнями? Но кто?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гусакова К., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-197669-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Моему сыну,
которому я читала эту историю,
прежде чем мы оба ее поняли*

Плен будет продолжителен: стройте дома
и живите в них; разводите сады и ешьте плоды их.
*Иеремия 29:28, как отметила Марин Брандт
в Библии семьи Брандт*

Всякая женщина — хозяйка собственной судьбы.
*Девиз, который миниатюристка придумала
для Неллы Брандт осенью 1686-го*

Год 1705-й

Наследие

I

В свои восемнадцать Тея уже слишком взрослая, чтобы отмечать дни рождения. Ребекке Босман в декабре исполнилось тридцать, и она ни словом не обмолвилась — вот это мудрость. В постели, темным январским утром, Тея дрожит под одеялом. Внизу, в гостиной, препираются тетья и Корнелия, а отец сдвигает в сторону стол для завтрака на ковре. Так всегда начинается празднование дня рождения Теи — на этом ковре. Непреклонная традиция, забава притвориться искателями приключений, которые довольствуются тем, что добыли. Нынче это жалкая причуда, ведь никто из них годами не покидал городских стен. И вообще — что не так со столом? У них добротный стол, им следует пользоваться. Взрослые люди пользуются столами. Если бы Ребекке Босман пришлось терпеть праздничный завтрак, у нее он точно прошел бы за столом.

Но Тея не может им ничего такого сказать. Ей невыносимо спускаться вниз и видеть, как тетья

Нелла, отвернувшись, расправляет потрепанные бумажные гирлянды, которые наверняка уже висят на огромных замерзших окнах. Как отец уставился на потертый ковер. Как Корнелия, ее старая няня, с тоской смотрит на маленькие пуфферты¹, над которыми хлопотала всю ночь. Тея совсем не хочет их расстраивать, но не знает, как избавиться от роли, которую они ей навязали, роли их общего дитяти. Может, сегодня она и становится женщиной, но радость семьи всегда будет пропитана страхом потери.

Все начинается со сладкого, приправленного специями аромата, что доносится снизу и струится из-под двери спальни. Пуфферты с розовой водой, на которых, без сомнения, значится имя Теи, а то вдруг она его позабыла. Рассыпчатая болтуня с тмином от Корнелии, чтобы пленить Тею, горячие булочки, чтобы ее согреть. Делфтское сливочное масло — особое угощение — и наперсточек сладкого вина для взрослых. Тея откидывает одеяло, но все еще не может заставить себя встать, не чувствует воодушевления при мысли о делфтском масле. Одна надежда — это что ей купили билеты в Схаубург², чтобы она снова увидела выступление Ребекки Босман. А потом, когда спектакль закончится, она ускользнет к Вальтеру, единственному человеку, способному ее освободить.

---

¹ Сорт сладкой выпечки. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, — прим. ред.*

² Первый постоянный театр в Нидерландах. Был построен в 1638 году на берегу канала Кайзерсграхт.

ДОМ СУДЬБЫ

«Уже скоро, — думает Тея. — Скоро мы будем вместе, и все наладится. А пока — затянувшееся, затхлое детство».

В конце концов, собравшись с силами влезть в тапочки и халат, Тея медленно спускается по лестнице, чтобы никто не услышал, и заставляет себя быть благодарной. Она должна постараться не разочаровать семью. Обычно Тею не смущало, что они устраивают шумный праздник по случаю ее дня рождения, но между детством и восемнадцатилетием лежит целая пропасть. Им придется начать относиться к ней как ко взрослой. И может, в этот день рождения кто-нибудь даст Тее то, чего она действительно так жаждет, — и расскажет ей о матери, подарит историю или хотя бы забавный случай! Да, мы все знаем, что сегодня самый тяжелый день в календаре семьи Брандт. Да, восемнадцать лет назад в этом самом доме умерла Марин Брандт, подарив Тее жизнь. «Но кому в этот день может быть хуже, чем мне, — думает Тея, шагая по выложенному плиткой коридору, — мне, выросшей без матери?»

Каждый год они только и говорят о том, насколько Тея выросла за двенадцать месяцев, насколько она теперь красивее или умнее, будто Тея становится совершенно новым человеком. Будто каждое восьмое января, всегда холодное и тоскливое, она вылупляется для них из яйца. Но Тея не хочет слушать о том, как она растет и меняется. В день своего рождения она хочет посмотреть в зеркало и увидеть мать, узнать, кем она была и почему отец никогда о ней не заговаривает. Почему

в ответ почти на все вопросы Теи они лишь мрачно переглядываются и поджимают губы. Тея колеблется, прижимаясь спиной к стене. Быть может, прямо сейчас они там обсуждают Марин Брандт.

Искусная в подслушивании, Тея ждет в тених у гостиной, и надежда стоит в горле комом, не давая дышать.

Нет. Они препираются о том, согласился ли кот Лукас надеть праздничный воротничок.

— Кот его ненавидит, Корнелия, — говорит тетюшка. — Только посмотри ему в глаза. Его вырвет на ковер.

— Зато это рассмешит Тею.

— Нет, если ей придется есть пуфферты рядом с лужей рвоты.

Лукас, их желтоглазый бог объедков, возмущенно мяукает.

— Цветочек, — вмешивается отец Теи, — позволь Лукасу позавтракать раздетым. Позволь, пусть. Может, он приоденется к ужину.

— Нет в вас чувства праздника, — парирует Корнелия. — Коту воротник нравится.

Привычный ритм их голосов — а другого Тея, в общем-то, почти и не знает. Она закрывает глаза. Раньше она любила слушать Корнелию, тетю Неллу, отца, сидеть у их ног или вешаться им на шею, чтобы они обожали ее и ласкали, тискали, дразнили. Но нынче ее интересует совсем другая музыка, и не им на шею она хочет броситься. И этот разговор о том, стоит ли их огромному коту надеть воротничок, вызывает у Теи острое желание оказаться

где-нибудь в другом месте. Оказаться подальше от них и начать собственную жизнь, потому что никто из них не знает, каково это — быть восемнадцатилетней.

Она делает глубокий вдох, затем выдох и входит в гостиную. Все члены семьи как один поворачиваются к ней, их глаза загораются. К ногам Теи подбегает Лукас, изящный, несмотря на размеры. Окна, как она и предполагала, украшены бумажными гирляндами. Как и Тея, все до сих пор в ночных рубашках — еще одна праздничная традиция, — и ей отвратительно видеть очертания их старых тел. Стоит признать, тетя Нелла в свои тридцать семь выглядит довольно неплохо, но вот отцу уже сорок один, а мужчина в сорок один должен спускаться к завтраку не иначе как полностью одетым. У Корнелии такие широкие бедра — неужели ее совсем не смущает, что сорочка просвечивает? «Мне было бы стыдно, — думает Тея, — ни за что не позволю своему телу так болтаться». И все же они ничего не могут с этим поделать. Корнелия все время повторяет: «Ты стареешь, у тебя раздаются бедра, а потом ты умираешь». Но Тея будет как Ребекка Босман, способная влезть в одежду, которую носила еще в возрасте Теи. «Секрет, — говорит Ребекка, — заключается в том, чтобы как можно быстрее проходить мимо всякой пекарни». Корнелия бы на такое не согласилась.

— С днем рождения, Тыковка! — сияет Корнелия.

— Спасибо, — благодарит Тея, стараясь не морщиться от прозвища.

Она подхватывает Лукаса на руки и идет к остальным, собравшимся на ковре.

— Такая высокая! — говорит отец. — Когда же ты перестанешь расти? Никак за тобой не угонюсь.

— Папа, я такая уже два года.

Он заключает ее в долгие объятия.

— Ты идеальна.

— Наша Тея, — говорит тетя.

Тея встречается с ней взглядом и отпускает Лукаса. Тетя Нелла пытается удержать отца от чрезмерной похвалы. Тетя Нелла всегда первой находит недостатки.

— Давайте есть, — говорит Корнелия. — Лукас, не смей...

Котьяра, без воротничка и ничем не обремененный, уже сжимает в зубах кусочек яйца. С ним он и убегает в угол, демонстрируя пышные меховые панталоны песочного цвета. Амстердамцы, как правило, не любят держать дома животных, опасаясь, что их свежевывмытые полы запятнают отпечатки лап, в чистых углах будет появляться помет, а мебель окажется зверски изодрана. Но Лукасу безразлично общественное мнение. Он знает, что он идеален, и он — источник утешения для Теи.

— Самое жадное создание на всем Херенграхте, — ворчит тетя Нелла. — Мышей ловить отказывается, а вот завтрак наш слопают с удовольствием.

— Оставь его, — говорит Тея.

ДОМ СУДЬБЫ

— Тыковка, — зовет Корнелия. — А вот и пuffedерты в честь твоего дня рождения.

На крошечных булочках написано имя — ТЕЯ БРАНДТ.

— Есть розовый сироп или, если хочешь к ним чего-нибудь послаще...

— Нет-нет, этого достаточно. Спасибо. — Тея садится на ковер, поджимает под себя ноги и быстро, один за другим, отправляет в рот пару пuffedертов.

— Помедленнее! — укоряет ее Корнелия. — Отто, булочку с маслом и яйцом?

— Пожалуй, — отзывается тот. — Мои колени не переживут ковра. Я посижу на стуле, если никто не возражает.

— Тебе же не восемьдесят, — фыркает тетя Нелла, но отец Теи пропускает ее слова мимо ушей.

Женщины устраиваются на ковре. Тея чувствует себя нелепо — хорошо, что никто с улицы не заглянет в окна.

— Глоточек вина? — предлагает ей тетя Нелла.

Тея выпрямляется, поставив тарелку на колено.

— Правда?

— Тебе восемнадцать. Уже не ребенок. Держи. — Тетушка протягивает ей маленький бокал.

— Вино из Мадейры, — добавляет отец. — У нас в Ост-Индской компании нашелся неучтенный бочонок, отдавали за полцены.

— И слава богу, что нашелся, — вторит тетюшка. — Мы не можем вот так взять и покупать маде-ру бочонками.

На лице отца мелькает раздражение, и тетя Нелла краснеет, уставившись на завитки коврового орнамента.

— Давайте поднимем тост, — продолжает отец. — За нашу Тею. Пусть она всегда будет в добром здравии...

— Сыта, — подхватывает Корнелия.

— И счастлива, — подсказывает Тея.

— И счастлива, — повторяет тетюшка.

Тея глотает вино, что прокатывается горячей дорожкой к желудку и взрывается там теплом, придавая ей смелости.

— Каким он был, — спрашивает она, — день моего рождения?

На ковре тишина, на стуле тишина. Корнелия берет еще один пуфферт и накладывает сверху болтунью.

— Ну? — не отстает Тея. — Вы все там были.

Тетя Нелла переглядывается с отцом Теи.

— Ты же присутствовал при этом, да, папа? Или я пришла в этот мир одна?

— Все мы приходим в этот мир в одиночестве, — говорит ее тетя.

Корнелия закатывает глаза. Отец молчит. Всегда одно и то же.

Тея вздыхает.

— Вы были не рады моему рождению.

Ее семья оживает, все в ужасе поворачиваются к Тее.

— О нет, — возражает Корнелия. — Очень рады! Ты стала настоящим счастьем.

— Я стала концом чего-то, — говорит Тея.

Тетя Нелла закрывает глаза.

— Ты стала началом, — говорит отец. — Самым лучшим началом на свете. Так, думаю, пришло время подарков.

Тея понимает: она снова потерпела поражение. Теперь проще всего съесть еще одну булочку с маслом и развернуть подарки, которые для нее приготовили. Коробка ее любимого коричневого печенья от Корнелии, а от тетушки с отцом — да, они уделяли внимание хотя бы частичке ее души — пара билетов на сегодняшний показ «Тита».

— Места на балконе? — Сердце Теи трепещет. Подарок поистине щедрый. — О, спасибо!

— Не каждый день тебе исполняется восемнадцать, — улыбается отец.

— Мы прекрасно проведем время, — говорит Корнелия. — Ты и я.

Тея смотрит на их сияющие лица. Ясно, они уже решили, кто будет ее сопровождать — все логично, ведь отцу скоро на работу в Ост-Индскую компанию, а тетушке не нравится театр.

— Спасибо, Корнелия, — говорит Тея, и старая няня сжимает ее руку.

«Тит» — жестокая пьеса, таких еще поискать. Тея больше любит романтические истории. Лесные идиллии, островные мечты, где все сперва запутанно, а потом становится на свои места. Тея с тринадцати лет тащила в городской театр или тетю, или Корнелию. Приезжали пораньше, платили за вход